

Рец.:

Евграф КОНЧИН

Как рождается музей

Рассказы. М., «Детская литература», 1988

Автор этой книги достаточно активно зарекомендовал себя на поприще «популярного искусствознания». Поэтому его обращение к детской аудитории с рассказами о том, как рождаются художественные музеи, естественно и закономерно. На примере ряда отечественных хранилищ произведений изобразительного искусства Е. Кончин поставил своей задачей показать ребятам, «как складываются художественные коллекции» и «как из них рождаются художественные музеи». Из многочисленных музеев нашей страны Евграф Кончин выбрал для этой цели знаменитую Государственную Третьяковскую галерею, Саратовский художественный музей имени А. Н. Радищева, Музей В. А. Тропинина и московских художников его времени, Музей-панораму «Бородинская битва», Музей Шишкина в Елабуге. Выбор этот можно было бы признать закономерным, если бы он строго соответствовал цели, декларированной в авторском обращении «К читателям». Но человек, знающий суть дела, сразу заметит, что из перечисленных музеев два (а именно — Музей-панорама «Бородинская битва» и елабужский Музей Шишкина) выросли не из художественных коллекций, а лишь черпали из них материал по мере своего развития. Естественно возникает вопрос, на каком же стержне держится книга, объединяющая, вопреки авторскому заявлению, достаточно разнородный материал, но в то же время обходящая, скажем, историю создания Русского музея в Ленинграде, Музея русского искусства в Киеве, Музея искусств в Ташкенте (два последних выросли на основе первоклассных частных коллекций) и др. Уже беглого взгляда на книгу Е. Кончина хватает, чтобы понять, на чем основано ее единство: это

патриотический пафос, окрашенный в тона «почвенничества», громко заявляющий о своей любви к «земле русской», природе и людям ее средней полосы — сердца России. Все это можно было бы только приветствовать, если бы автор не забывал порою собственно искусствоведческих (пусть и применительно к маленькому читателю) задач. Не раз и не два книжка Евграфа Кончина сбивается на рассказ экскурсовода, пытающегося испытанными, методически отработанными приемами приобщить младшеклассников к «миру искусства».

Приемы эти достаточно несложные: облегченно-беллетризованные «околичности» (история коллекций и музеев) и упрощенный до откровенной примитивности разбор произведений (в основном это стандартный «пересказ содержания»). Детям, конечно, полезно узнать, какая из картин, приобретенных П. Третьяковым для своего собрания, была первой, как разрасталось здание его галереи, как он заботился о сохранности произведений искусства. Но, думается, важнейшее значение имела бы и постановка вопроса (в границах, доступных пониманию восьми-десятилетних детей) об исключительной исторической роли П. Третьякова в поддержке и формировании ведущего направления русского искусства второй половины XIX века — «идейного реализма», творившего суд над действительностью того времени, выносившего ей приговор, видевшего «матушку Русь» не только «обильной», но и «убогой»; не только «могучей», но и «бессильной»... Без моральной и материальной поддержки Третьякова взлет и размах передвижничества не имел бы таких горизонтов, и деятельность его можно с полным основанием назвать гражданским подвигом. То, что об этом в книжке Евграфа Кончина не сказано даже вполголоса, вызывает удивление и разочарование. Не слишком радуют и разборы шедевров галереи. Преобладает здесь та описательность, усвоив которую «с губ» экскурсовода, иные посетители музеев с приятным удивлением

обнаруживают в себе искусствоведов, подобно господину Журдену, узнавшему, что он всю жизнь говорил прозой. Я далек от мысли думать, что Евграф Кончин считает основным достоинством «Утра стрелецкой казни» то, что «все персонажи написаны с живых людей». Но у читателя, особенно малолетнего, может создаться именно такое представление. «Натурщиков Суриков искал повсюду. Для стрельца с черной бородой, например, позировал брат матери художника. Рыжего стрельца... он писал со случайно встреченного старика. А плачущая девочка — дочь самого художника». Все это правда, но далеко не вся. Особенность историзма Сурикова — его несравненное умение находить в русской жизни (конца XIX века) столетиями не изменяющиеся человеческие типы, в которых проглядывают то XVI, то XVII, то XVIII век, — остается нераскрытой.

Не слишком повезло в этой книжке и В. Васнецову — с его «Богатырями» и «Аленушкой». О неисчерпаемом богатстве воображения художника, компенсировавшего известную ограниченность его как колориста, мало что скажет заключительный абзац главки «Почему горюет Аленушка?»: «Посмотрите, как подчеркивает пейзаж настроение Аленушки! Сумрачно насупилось неприветливое осеннее небо, зловеще-неподвижна гладь речного омута, за спиной сироты — темный провал леса».

Не имея возможности остановиться на всех (довольно однотипных) разборах картин Третьяковской галереи, хотелось бы решительно возразить против того, что весь ее советский отдел перед детьми предстает в работах только Павла Корина. Сам художник и его портрет маршала Жукова очень нужны Е. Кончину с точки зрения тематического единства его книги. Но при всей благодарности нашего народа к великому военачальнику, мужественному человеку Георгию Константиновичу Жукову — ни портрет полководца работы Корина, ни творчество этого художника в целом нельзя признать выдержавшими испытание временем.

Даже его некогда знаменитая серия «Русь уходящая» (не говоря уже о портретах М. Горького, К. Игумнова и др.) поражает своей искусственностью, мертвенно-холодным отношением к модели, взвинченностью, характерной для эпохи тоталитарных режимов. Рекламирывать эту по сути пессимистическую, а по форме — «жестяную» живопись, я полагаю, означает портить вкус, что называется, с пеленок.

Наиболее благоприятное впечатление оставляют главы книжки, посвященные Музею Шишкина в Елабуге. И здесь, правда, львиную долю текста занимают не слишком существенные подробности о том, как разыскивали стулья для музея и т. п. Но для характеристики творчества художника, не отказываясь, впрочем, от своего неизменного описательного метода, Евграф Кончин нашел проникновенные, задевающие сердечные струны слова: «Шумит и колышется необъятное море ржи. Только чуть расступается оно, чтобы пропустить полевую дорожку. Идут вдалеке во ржи крестьяне, да стоят среди золотистых хлебов одинокие сосны. Сюжет картины прост. Но смотришь на нее и глаз не оторвешь: вот она — Россия, с ее раздольем, богатством земли, благозвучностью бытия».

Такие слова неподдельны. Им можно верить.

Литературное обозрение. — М. — 1988. 12. — С. 66—67.